2 шк
Х.

ХРАБРЫЙ ВОИНЪ

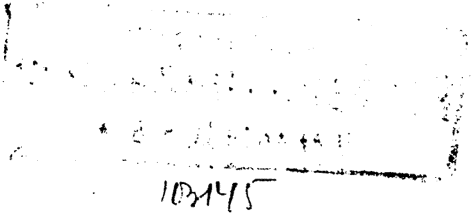
Пров 49 ч

Сочиненіе Ф***

ИЗДАНІЕ ТРЕТЬЕ

МОСКВА
Типографія Харламова.—Базарная Улица №10
1875

Дозволено цензурою. Москва, 29 Мая 1875 г.



Чтой-то, братцы, какъ тяжко живется нашему брату на русской землѣ! Какъ онъ ни работаетъ, какъ ни надрывается, а все не выходитъ изъ долговъ да изъ недоимокъ, все перебивается кое какъ черезъ силушку съ пуста брюха да на голодное; день то деньской маешься, маешься подъ зноемъ да подъ холодомъ ровно каторжный, а придешь домой—иной разъ и пожевать нечего.

Много насъ, братцы, на святой Руси, велика наша сила мужицкая, сила рабочая; и работаемъ мы круглый годъ съ утра до ночи въ городахъ и въ селахъ, и на фабрикахъ. Мы сѣемъ рожь и пшеницу, роемъ золото, куемъ желѣзо, ткемъ полотна, сукна тонкія и бархаты, строимъ дома каменные и дворцы мраморные;—а живемъ мы сами, братцы, въ избахъ дымныхъ да конурахъ собачьихъ, а ѣдимъ мы, братцы, кору древесную да мякину голодную, и одѣты мы, братцы, въ паневу дырявую да сермягу холодную.

Грустно станетъ, какъ подумаешь про житье

крестьянское, про тяжелое, а еще больнѣй то сердцу сдѣлается, когда вспомишь про тѣхъ, что нашими трудами пользуются, нашимъ потомъ— кровью наживаются.

Иной разъ смотришь на баръ да индо дивишься: ни заботъ у нихъ нѣтъ, ни горя мужицкаго, работать они не работаютъ, а такъ больше проклажаются для своего удовольствія; одѣваются въ шелки да въ бархатъ, живутъ въ палатахъ раззолоченыхъ, да брюха себѣ отращиваютъ на крестьянскія кровныя денежки. Они налогами да барщиной, податями да повинностями раззорили, въ конецъ насъ измучили, всѣ жилы повытянули да еще нашимъ же братомъ гнушаются, надъ русскимъ мужикомъ величаются!

Имъ вездѣ почетъ да со льготою, намъ обиды вездѣ съ притѣсненіемъ,

Ладно-ль, братцы, порядки то эдакіе,—не шабашъ ли молчать, не довольно-ль терпѣть, на такія дѣла глядючи; не пора ли намъ, братцы, своимъ умомъ о своихъ дѣлахъ да подумати?

Разскажу я вамъ, братцы, присказку, а вы слушайте да на усъ наматывайте.

„Ни далеко ни близко, ни высоко ни низко, а въ самомъ, что ни на есть, дремучемъ лѣсу жило было звѣриное царство, львиное государ-

ство. Много тамъ было звѣрья всякаго, а овецъ да барановъ больше всѣхъ, овецъ и видомъ не видано, и счетомъ не считано. Вотъ въ этомъ то самомъ львиномъ царствѣ, въ овечьемъ государствѣ въ овечьи старосты у льва просился волкъ; но такъ какъ о волкахъ худой на свѣтѣ толкъ, то велѣно звѣрины весь народъ созвать на общій сходъ и распросить того, другого, что въ волкѣ добраго онъ зналъ или худого. Исполненъ и приказъ: всѣ звѣри созваны, на сходкѣ голоса чинъ чиномъ собираютъ; но противъ волка нѣтъ ни слова и волка велѣно въ овчарню посадить. Да что же овцы говорили? На сходкѣ вѣдь онѣ ужь, вѣрно, были? Вотъ то-то нѣтъ, овецъ то и забыли—а ихъ то бы всего нужнѣй спросить."

Такъ то вотъ, братцы, на свѣтѣ и съ нами идетъ. Тѣ же волки надъ нами сидятъ да по волчій нашимн дѣлами распоряжаются, нашимъ потомъ-кровью напиваются.

Много насъ, братцы, на святой Руси, по деревнямъ по селамъ и по фабрикамъ. Широко мы по матушкѣ, по Россіи раскинулись, а кто нашими дѣлами правитъ, не знаемъ мы, что про насъ думаютъ, мы не вѣдаемъ, нашего голоса не слушаютъ, нашихъ желаній да нуждъ не

спрашиваютъ. Оттого то намъ, братцы, и трудно такъ: отъ того то и тошно приходится—что овцамъ твоимъ, у коихъ волкъ былъ въ старостахъ.

Какъ намъ не бѣдствовать, какъ не раззориться въ конецъ, коль надъ нами сидятъ звѣри лютые: царь съ боярами, дворянами да чиновниками. И сидятъ они, окаянные, да придумываютъ, какъ бы имъ изъ насъ—изъ народа русскаго да по больше денегъ вытянуть, навалить на насъ податей да повинностей. „Какъ молъ, бѣдностью да налогами мы задушимъ ихъ тогда имъ, дружкамъ, не одуматься.“

Они боятся, окаянные, чтобы русскій народъ не взялся за умъ, да не сталъ у нихъ спрашивать: „ей вы слуги царскіе да бояре знатные, незванные вотчимы, вы скажите ка намъ, за что вы насъ мучили, за что въ крѣпостной кабалѣ надъ нами тѣшились! Вы повѣдайте народу русскому, какъ вы нашими дѣлами правили, куда вы наши кровныя денежки девывали?“

Не чиста у нихъ совѣсть то да и жалко имъ изъ когтей добычу выпустить. Вотъ они и давятъ насъ, и морятъ насъ голодомъ: „пока, молъ, забиты да запуганы всѣ, вы въ нашихъ рукахъ, съ голоду то да съ холоду не очень

разбунтуешься! А съ сытыми-то съ вами, молъ, и не справишься."

Нешто не правда, братцы, мое слово мужицкое? Намъ хоть и разсказываютъ, что начальство да помѣщики наши родные отцы-батюшки, что они заботятся да пекутся о насъ, какъ о своихъ кровныхъ дѣтяхъ; что царь—нашъ батюшка, а они, его слуги вѣрныя и наши благодѣтели. Ну, да кто бы разсказывалъ, а то сами же господа да чиновники—нашего добра раззорители. А изъ насъ мужиковъ такъ-то кто говоритъ? Кулаки міроѣды, злодѣи лютые, что вмѣстѣ съ боярами надъ нами тѣшатся, нашимъ потомъ—кровью наживаются.

Ну да, только знаемъ мы, каковы эти вотчимы—на своихъ бокахъ испытали, извѣдали, какъ пекутся объ насъ эти„ ихъ благородія."

Вспомнимъ ко, братцы, други родимые, какъ они надъ нами въ крѣпостной кабадѣ издѣвалися, какъ душили насъ барщиной, какъ насъ сѣкли да мучили, нашихъ женъ безчестили; продавали гужемъ нашихъ кровныхъ дѣтей, а насъ самихъ въ карты проигрывали да на псовъ промѣнивали. Нешто это не тѣ же господа да баре, да помѣщики; нешто въ десять то лѣтъ они измѣнилися? Нѣтъ, это царское да барское от-

родье во вѣкъ не измѣнится; оно вѣчно будетъ нашу кровь сосать, да жилы вытягивать, пока сами мы не раздавимъ ихъ!!!

Можетъ скажутъ намъ, что теперь вы, молъ, люди вольные, на своей землѣ работаете, сами собою управляетесь.—люди свободные. Да, молъ мы люди свободные только голодные. Вѣдь и собака голодная вольна бѣжать, куда вздумается—да только не бѣжать ей далеко отъ дома хозяйскаго; пока жрать то хочется—и пинковъ натерпится, а все будетъ около дворовъ держаться.

Такъ и мы, други, какъ жрать то нечего да семья помираетъ съ голоду, такъ пойдешь въ кабалу къ купцу—кулаку да разбойнику и за кусокъ хлѣба продашься въ работу тяжелую. Что прежде съ насъ брали кнутомъ, теперь берутъ голодомъ.

Да, братцы, хороша эта воля дворянская

Обошли насъ ловко господа съ царемъ своимъ, чисто дѣло обдѣлали, и славу нажили за освобожденіе и карманъ-отъ набили пуще прежняго: надѣлили насъ пескомъ да каменьями, по три десятины на душу да заставили оброкъ платить не хуже прежняго: выкупать ее значитъ, родимую нашу то землю-матушку, что отцами да

дѣдами съ испоконъ вѣка воздѣлана, съ потомъ и кровью вспахана, слезами омочена!

Да развѣ съ царемъ господа ее сдѣлали, своимъ трудомъ заработали, что они продаютъ ее—кормилицу, ею распоряжаются.

Развѣ земля не для всѣхъ создана, чтобы мы всѣ ею пользовались? Такъ по чтожъ она царская или помѣщичья, а не крестьянская? Мы на ней трудимся, мы ее воздѣлываемъ, мы добываемъ хлѣбушко—вѣдь безъ насъ то они поколѣли бы съ голоду—анъ, выходитъ, вся земля помѣщичья да царская, а намъ отведутъ, что имъ вздумается, да еще и выкупъ требуютъ! Да мы ее, можетъ, уже сто разъ выкупили податями, оброками да барщиной, еще коли въ кабалѣ состояли помѣщичьей; наши прадѣды, наши дѣды, отцы весь свой вѣкъ работали за нее на помѣщиковъ, платили имъ оброкъ да повинности!

Сколько они изъ насъ денегъ повытянули, сколько нашего пота да крови повысосали! Они злодѣи, забыли про то, теперь имъ снова выкупъ требуется. Да за что же это такъ, господа почтенные?

Нешто это по правдѣ—по божескій?

Русскій народъ на своей, на родимой землѣ помираетъ съ голоду, надъ работою надрываю-

чись, а земля то вся, ишь ты, помѣщичья да хозяйская! Нѣтъ это не ладно, братцы, други родимые, когда ты землю обрабатываешь своими руками воздѣлываешь, ну и владѣй ею, родимою.

А коли работать не хочется, такъ давай людямъ трудящимся, что охочи своими руками добывать хлѣбушко; а то господа съ царемъ, что собака на сѣнѣ распоряжаются, ни сами на ней не работаютъ, ни другимъ не даютъ—а хотятъ получать за даромъ денежки да еще говорятъ: мы ваши осводнтели, ваши благодѣтели.

Да что они шутки шутить иль смѣяться надъ нами вздумали, иль считаютъ насъ дураками отпѣтимы. Они думаютъ, мы не расчухали, какъ они ловко дѣла то обдѣлали, какова эта воля дворянская.

Ну да нѣтъ, господа, разъ то надули насъ здорово, а въ другой то, пожалуй, не выгоритъ. Вѣдь они это къ чему ведутъ? А къ тому ведутъ, что хотятъ насъ раззорить въ конецъ, а потомъ и забрать въ свои руки злодѣйскія, закабалить насъ въ работу тяжелую; да оно такъ и будетъ, смотри православный народъ, коль ты во время не одумаешься!

Вѣдь они себѣ лучшія земли оставили, а насъ обдѣлили по стольку, что намъ и прокормиться

то ие на что, а податей навалили, что и вздохнуть нельзя, и платить ихъ совсѣмъ не въ мочь, мы съ каждымъ годомъ все больше и больще раззоряемся, а они продаютъ нашу скотинушку, чуть не крыши съ избъ стаскиваютъ. Имъ то и любо, того то и хочется! Они себѣ ждутъ да подумываютъ: какъ молъ, вы, други любезные, раззоритеся до чиста, такъ опять у насъ въ кабалѣ будете.

Ѣсть то будетъ нечего, такъ опять и придете къ намъ за работой да за поденщиной; ну и заставимъ васъ нашу землю обработывать, за что намъ вздумается. Вотъ опять у насъ на барщинѣ и будете."

Ну да нѣтъ, господа ваши, благородія, ужь не жирно ли будетъ вамъ—не равно облопаетесь.

Долго вы надъ намн тѣшились, долго вы надъ русскимъ мужикомъ издѣвалися, да смотрите, чтобъ худо не было, не пришлось бы своей шкурой раздѣлаться за дѣла такія, за хорошія.

Ужь ты гой еси православный народъ, я скажу тебѣ свое слово послѣднее, слово послѣднее —слово мужицкое. Долго оно въ моей груди таилось, много тамъ горя и слезъ накопилось, а я все терпѣлъ, все молчалъ думу думаючи,

— и та дума моя про тебя была, про твои страданія великія.

Думалъ, можетъ, полегчаетъ; думалъ, можетъ, грабители сжалятся, перестанутъ надъ русскимъ народомъ тѣшиться, вспомнятъ, сколько вытерпѣлъ, облегчатъ его раны тяжелыя, да помогутъ вздохнуть его больной груди.

Ну да видно, нѣтъ, не хотятъ они кончить добромъ, ну такъ пусть на себя и печалятся.

Мы долго молчали, мы много терпѣли, ну а теперь мы видимъ, что намъ отъ нихъ ждать нечего.

Пока нами управлять будутъ цари, бояре да чиновники, не будетъ у насъ ни земли, ни воли, ни хлѣбушка. Они тысячи лѣтъ нами правили и все время мы только стонали да бѣдствовали, а они себѣ жили припѣваючи да посмѣивались. Можетъ, они потому такъ дурно нами правили, что не знали нашихъ крестьянскихъ нуждъ, а можетъ просто за тѣмъ, что ихъ лапа то больно загребиста.

Не жалѣли, вишь, насъ и о пользѣ то нашей не думали, а въ концѣ то концовъ раззорили совсѣмъ, покуда надъ нами властвовали. И приходитъ теперь такое времячко, что хоть и сов-

сѣмъ помирай съ голоду—значитъ, не можемъ мы больше терпѣть, да и не для чего.

Мы и сами своими дѣлами справимся, сами будемъ о своихъ нуждахъ заботиться. Мы потребуемъ, чтобы у всѣхъ у нихъ, что теперь надъ нами распоряжаются, была отнята власть всякая.

Владѣть будемъ мы всей землей матушкой сообща, сѣять, жать будемъ мы всѣмъ обществомъ, и будетъ у насъ тогда воля, земля да и хлѣбушко, и не будетъ на Руси ни крестьянъ, ни помѣщиковъ, а всѣ будутъ тогда люди русскіе—люди свободные, и у всѣхъ у насъ будутъ одни права, однѣ обязаности.

Вотъ тогда то придетъ и на нашу улицу праздникъ, и для насъ взойдетъ красно солнышко, всѣ мы будемъ богаты и счастливы: работать то намъ не учиться стать, а на матушкѣ на святой Руси земли хватитъ на всѣхъ на насъ!

Только знай не лѣнись, трудись да смотри за тѣмъ, чтобъ земля твоя опять не попала въ руки злодѣйскія, а чтобъ мы всѣ сообща, будто братья родимые, всѣми полями, лугами, лѣсами вмѣстѣ пользовались.

Вотъ тогда то, други милые, заживемъ мы дружно, мирно и весело, и не будетъ у насъ

ни воровъ, ни убійцъ, ни грабителей; у всѣхъ будетъ свое—воровать убивать не для чего.

Скоро, братцы, придетъ это времячко.

Со всѣхъ сторонъ поднимается сила крестьянская, взволновалась Русь матушка, зашумѣло какъ море великое. А поднимется да расправится, такъ не будетъ съ ней ни сладу, ни удержу.

Только будемте дружно, какъ братья родные, стоять за наше дѣло великое. Вмѣстѣ-то мы сила могучая, а порознь насъ задавятъ враги наши лютые.

КОНЕЦЪ.